

Маковский Сергей Константинович

**Страницы художественной
критики**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
С32

С32 **Сергей Константинович М.**
Страницы художественной критики / Маковский Сергей Константинович – М.: Книга
по Требованию, 2023. – 100 с.

ISBN 978-5-519-94854-8

ISBN 978-5-519-94854-8

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2023
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

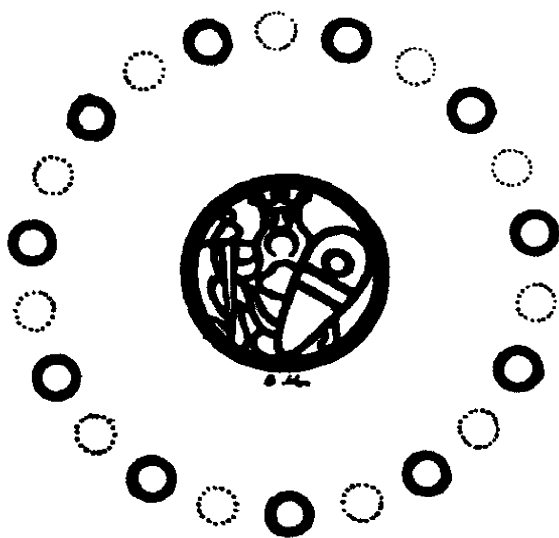
Страницы художественной критики

Международная выставка в Венеции 1905 года	52
Англичане.....	53
Германия	54
Венгрия.....	54
Швеция.....	54
Испания де-ля-Гандара	54
Зулоага	54
Англада.....	55
Бельгия.....	55
Франция.....	55
Менарь	56
Гипс Родэ.....	56
Отсутствие русских	56
Выставка французских графиков в Вѣнѣ 1905 года	58
Сегинь	58
Дени.....	58
Ропсь.....	58
Рэдонь.....	58
Валлотонь	59
Ибель, Лотрек.....	59
Вилларь, Виллетъ.....	59
Помѣщеніе Митке	59
Портреты Карьера.....	63
Одинокость.....	63
Путь.....	64
Реализмъ Карьера	64
Тайна жизни	65
Души-двойники	65
Пріемы Карьера.....	66
Мистицизмъ	67
Дѣти.....	67
Материнство.....	68
Портреты современниковъ	68
Константинъ Менье	72
Скульптура и ложноклассицизмъ.....	72
Ваяніе въ Россіи.....	73
Монументы современной Европы	73
Родѣнь и Менье.....	74
Настроение города.....	75
Фрэкень и де Гру	76
Живопись Менье	76
Тайны идеализации	77
Послѣдній шагъ.....	79
Классические ритмы и новая психика.....	80
Поэзія рабочей стихіи.....	81
Нравственный и эстетическій субъективизм	82
Символическій синтезъ.....	82
Обри Бирдслей	86
Современная графика.....	86
Драгоценные камни.....	86
Бѣсовскій театр.....	87
Теплицы порока.....	88
Призраки	88
Синтезъ	89
Два пути от Россети.....	90
Бернь-Джонсъ и Бирдслей	91
Оргія Астарты.....	92
Фелифен Ропсь.....	93
Рай грѣха.....	94
Точность	94
Маски.....	95

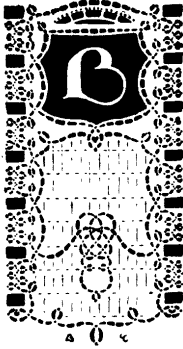
Отъ автора

Въ эту книгу вошли мои статьи я замѣтки объ иностранныхъ художникахъ, появлявшіяся, въ теченіе послѣднихъ лѣтъ, на страницахъ нѣсколькихъ журналовъ. Издавая ихъ подъ однимъ заглавіемъ, многое я исправилъ и дополнилъ, кое что переработалъ заново; нѣкоторыя главы печатаются теперь впервые. Все же, содержаніе книги остается случайнымъ. Читатель не найдетъ въ ней ни руководящихъ взглядовъ строго-критиче-скаго характера, ни общей оцѣнки современнаго творчества на Западѣ. Передъ нимъ почти исключительно — краткіе *comptes rendus* о тѣхъ исполнѣ личныхъ впечатлѣніяхъ и настроеніяхъ, какія я испытывалъ во время заграничныхъ скитаній по выставкамъ и музеямъ. Можетъ быть, эти настроения побудятъ, хоть отчасти, русскихъ культурныхъ людей (обычно столь далекихъ отъ вопросовъ эстетики) вдуматься серьезнѣе въ красоты нынѣ возрождающагося искусства. Вотъ — надежда, дающая мнѣ смѣлость рассчитывать на вниманіе немногихъ друзей художества въ Россіи.

ВМѢСТО ВВЕДЕНІЯ

Вмѣсто введенія

СЕ пройдетъ, все исчезнетъ, высочайшій санъ, власть, всеобъемлющій геній, все разсыплется прахомъ... Все великое земное разлетается Какъ дымъ...

— но добрыя дѣла не разлетятся дымомъ; они долговѣчнѣ самой сияющей красоты; все минется, сказалъ апостоль, одна любовь останется'.

Вы помните? Такъ кончаетъ Тургеневъ свою рѣчь: Гамлетъ и Донъ-Кихоть. Эти заключительныя слова — больше, чѣмъ личное признаніе. Они характерны вообще для русскаго эстетика. 'Добрыя дѣла долговѣчнѣ самой сияющей красоты'. Къ этому свелись размышленія большого русскаго художника о творчествѣ двухъ величайшихъ художниковъ міра. Развѣ другіе не выражались еще

опредѣленіе?

Русскій эстетикъ можетъ любить искусство съ горячимъ, убѣжденіемъ, но до извѣстнаго предѣла — до тѣхъ поръ, пока въ его мысляхъ не возникло желанія послѣднихъ обобщеній, и слова не стали слагаться въ разрѣшительные выводы. Тогда онъ делается моралистомъ. Русскій эстетикъ боится повѣрить красотѣ до конца; его художническая гордыня смиряется передъ величіемъ нравственной проблемы...

Быль ли у насъ хоть одинъ власть имущій мыслитель, который призналъ бы въ красотѣ высшее, всеобъединяющее и всепримиряющее начало, неподчинимое ни нравственности, ни религіи и не нуждающееся въ объясненіяхъ и въ оправданіяхъ? Быль ли тотъ, кто сказалъ: творящіе прекрасное творятъ вѣчное?

Вѣроятно, мы еще слишкомъ варвары. Самые культурные изъ насъ часто не видятъ грани, отдѣляющей, человѣческія, слишкомъ человѣческія цѣнности жизни отъ цѣнностей творчества.

Почти всѣ русскіе художники, когда всмотришься ближе въ ихъ дѣятельность, оказываются мучениками внутренняго разлада, сомнѣвающимися въ своемъ призваніи. Сколькіе изъ нихъ стыдились уединеній, Парнасса и старались защитить себя передъ собой и людьми, низводя 'языкъ боговъ до проповѣди на общественныя и религіозныя темы. Сколькіе, въ концѣ пути, отрекались отъ своихъ произведеній. Гоголь, передъ смертью сжигающій рукописи, Толстой, презрительно называющій 'побасенками' свои романы, Ивановъ, убитый на вершинѣ генія мыслью о невоплотимости христіанской идеи,— явленія глубоко національныя. Даже Пушкинъ, котораго такъ долго наше 'передовое' общество упрекало въ чрезмѣрномъ эстетизмѣ, Пушкинъ, гордо бичующій непосвященную 'чернь', и тотъ считалъ нужной оговорку: 'И долго буду тѣмъ любезенъ я народу, что чувства добрыя я лирой пробуждалъ'... Не угадывается ли въ этихъ словахъ то же желаніе оправдаться?

Русскій писатель, русскій поэтъ, живописецъ, какъ только онъ сознаетъ себя стоящимъ выше уровня, роковымъ образомъ приходитъ къ мысли, что художникъ долженъ быть учителемъ жизни, что служеніе красотѣ — недопустимая роскошь, если само оно не служить 'высшей идеи'.

Оттѣнки этой моральности, конечно, меняются съ поколѣніями. Сущность ея остается тою же. Искусство — не цѣль, но средство; красота — только оболочка, только форма для иныхъ откровеній, говорящихъ о цѣляхъ нравственнаго бытія. Добрыя дѣла

Страницы художественной критики

долговѣчнѣ самой сіяющей красоты'.

Въ этомъ признаніи коренится и первородный грѣхъ нашей критики. Отъ художника она требуетъ идей, взглядовъ, моральныхъ идеаловъ. истины и пользы — не искусства. Обсуждая въ художественныхъ произведеніяхъ не степень ихъ эстетическаго совершенства, а намѣренія автора и его отношеніе къ вопросамъ дня, она взвѣшиваетъ творческую личность на грубыхъ вѣсахъ „добра и зла“, „правды и лжи“.

Я привѣтствую — среди современнаго, молодого поколѣнія русскихъ художниковъ и критиковъ — всѣхъ борящихся съ этимъ закоренѣлымъ недоразумѣніемъ. Они первые вынесли удары нашего національнаго сентиментализма...

Или они ошибаются? Гамлетъ и Донъ-Кихоть — геніальныя творенія литературы... но, все минется, одна любовь останется'. Намъ нечего прибавить послѣ этихъ словъ', говоритъ Тургеневъ.

Согласимся ли съ нимъ? Признаемъ ли, что нравственное бытіе человечества — прочнѣе, несомнѣннѣ бытія эстетическаго? Исторія столѣтій, опытъ народовъ говорить намъ: нѣтъ. Красота самое долговѣчное изъ дѣлъ человѣческихъ, добрыхъ или злыхъ безразлично. Подвиги и преступленія одинаково забвенны въ вѣкахъ; поколѣнія смѣняютъ другъ друга, и съ ними безслѣдно умираютъ и любовь ихъ, и ненависть. Родъ приходитъ и родъ проходитъ', и новые люди, впитавъ наслѣдіе бывшихъ (почти всегда несознательно и неполно), идутъ дальше, къ инымъ цѣлямъ или только иной дорогой, разрушая старое и совершенствуя его по своему, создавая новыя формы желаннаго и презрѣннаго, столь же смертныя, какъ и прежнія. Такъ живая дѣйствительность превращается въ сновидѣніе. И, въ концѣ концовъ, остается только художественность того, что когда то было жизнью.

Минувшее живетъ въ образахъ. Какъ бы не были мы чужды искусству, обращаясь къ прошлому, мы и начинаемъ мыслить эстетически. Само время — великій художникъ, претворяющій улыбки, слезы и кровь народовъ въ безсмертную плоть красоты. Исторія, въ памяти человечества, — смѣна картинъ, тѣмъ болѣе вѣчныхъ, чѣмъ онѣ прекраснее. Только черезъ красоту мы пріобщаемся къ вей сердцемъ и волей. Только въ красотѣ живое обаяніе невозвратнаго.

Былъ ли дѣйствительно Прометей великимъ страдальцемъ въ неравной борьбѣ съ богами? Высокоотвердынная Троя была ли или нѣтъ? Не все ли равно? Сынъ Япета для насъ — вдохновенное видѣніе Эсхила; огонь его жертвы никогда не погаснетъ. Пѣсни Гомера чаруютъ дониндѣ, и призракъ Елены, похищенный Фаустомъ изъ царства Матерей, — неопровержимѣе, чѣмъ всѣ несчастія и добродѣтели мертвыхъ героевъ.

Нѣтъ, мы не вѣримъ искренности филистеровъ-моралистовъ, извлекающихъ уроки нравственности изъ таинственныхъ стра-ницъ крови и блеска, которыми такъ богата Книга судьбы. Попробуемъ негодовать вмѣстѣ съ ними. Наше осужденіе будетъ умозрительно, надуманно, лживо; оно никого не заставитъ больше мечтать, по гримѣру первыхъ христіанъ, о томъ, чтобы разрушить Колизей и цезарскіе дворцы, какъ слѣды діавольскаго навожденія. Эти памятники, эти развалины языческихъ безумій, стали намъ дороже всѣхъ жертвъ и мученическихъ стоновъ, которыми питалось ихъ великолѣпіе. Мы прозрѣваемъ въ нихъ нѣчто несравненно болѣе важное и непостижимо цѣнное, чѣмъ наше временное добро и зло. Красота вѣковъ обращаетъ чертоги разврата и насилія въ священные гробницы. Логика совѣсти молкнетъ передъ тайной тысячелѣтія. Если такъ, то во имя того же нравственнаго чувства не будемъ лгать передъ собой. Лучше жестокость, чѣмъ притворное состраданіе.

Загадочный процессъ превращенія жизни въ красоту не знаетъ различія между

праведнымъ и грѣшнымъ. Всегда настаетъ время, когда дѣянія славныхъ перестаютъ трогать нравственное чувство потомковъ. Рано или поздно люди начинаютъ относиться къ нимъ съ тѣмъ же любопытствомъ, съ какимъ археологи производятъ раскопки. За то ихъ изображенія изъ бронзы и мрамора и имъ посвященныя строфы поэтовъ нетлѣнны во вѣки. Святители 'добрыхъ дѣлъ', подвижники любви и долга погибають безслѣдно, если вокругъ ихъ имени не вспыхнулъ ореолъ легенды. Но имена злодѣевъ такъ же незабвенны, какъ имена святыхъ, когда ихъ преступленія облеклись въ одежды искусства.

Вы видите: храмы и кумиры безсмертнѣ боговъ. Олимпійцы умерли; тысячелѣтія назадъ послѣднія бѣлыя голубицы обагрили кровью алтари Венеры и Аполлона, но ихъ изваяніямъ все еще продолжаютъ шептать молитвы. Съ каждымъ поколѣніемъ почитателей красота ихъ рождается вновь. Вы знаете: никогда больше Егова не пошлетъ на землю своихъ пророковъ. Но огненные образы библейскихъ пророчествъ и вдохновенное сладострастіе Пѣсни Пѣсней спасутъ отъ тлѣнія Вѣчную Книгу. Красота религіи переживаетъ религію. Творческое слово несомнѣнно Бога... И если — когда люди забудутъ ученіе Христа — христіанская легенда останется, то оттого, что она прекрасна.

Поистинѣ долговѣчна только художественность бывшаго когда то жизнью. Долговѣчны только дѣла и произведенія, воплотившія красоту вѣковъ. Все разсыпалось прахомъ': великія цивилизаціи, эпохи побѣдъ и паденій, могучія царства Ассиріи и Вавилона, сказочно-древнія культуры Востока и наше недавнее прошлое. Лишь попрежнему священнодѣйствуютъ на барельефахъ, украшавшихъ когда то дворцы Саргона, крылатые генія, жрецы и владыки, окруженные рабами; по прежнему улыбаются со свитковъ шелковой бумаги соплеменники Лао-Тзе и Конфуція, одѣтые въ нѣжно-роскошныя ткани; до сихъ поръ, среди обломковъ мемфисскихъ храмовъ, тянутся вереницы боговъ и священныхъ животныхъ, и за ними идутъ герои и воины, съ эмблемами власти, землепашцы, ремесленники, женщины, дѣти, держа надъ головами приношенія; и на страницахъ средневѣковыхъ фоліантовъ, наполненныхъ отжившей мудростью алхимиковъ и схоластовъ, заглавныя готическія буквы и заставки съ изображеніями апостоловъ и рыцарей, чудовищныхъ звѣрей и небывалыхъ растений, — донинѣ свѣжи и благоуханны, какъ неумирающіе цвѣты надъ могилами.

Все разсыпалось прахомъ. Только памятники искусства остались. Только ими и въ нихъ продолжаетъ жить невозвратное. И чѣмъ шире бездна времени отъ насъ къ прошлому, тѣмъ ярче эта правда. Мы ничего не знаемъ о племенахъ глубокаго варварства. Нѣтъ даже преданій. Даже легенды отцвѣли. Сохранились лишь грубые, глиняные сосуды, окаймленные изогнутыми полосками и листовымъ узоромъ, причудливые божки изъ камня и бронзы и тщательно сглаженные кремневые орудія, на которыхъ оставили слѣды первыя думы о красивомъ. Далекіе мертвецы унесли съ собой загадку чуждаго намъ существованія, но подъ землей могильныхъ кургановъ отъ нихъ уцѣлѣли пожелтѣлыя кости, покрытыя золотыми кольцами и ожерельями. Сама смерть спасла ихъ отъ разрушенія.

Древніе, забытые скелеты, ревниво стерегущіе сокровища въ пыли опустѣлыхъ гробницъ, — символъ всей судьбы народовъ.

Становясь на моральную точку зрѣнія по отношенію къ историческому року, мы замыкаемся въ узкій кругъ нашихъ собственныхъ поступковъ и недоумѣній. Позади все рушится. Какъ одинокія тѣни между двухъ безбрежностей, мертваго прошлаго и нежившаго будущаго, мы ищемъ и не находимъ отвѣтовъ. Отчего законы столѣтій иные, чѣмъ законы нравственной совѣсти?

Отчего, въ поискахъ за истиной и добромъ, мы — воспитанные моралью въ презрѣніи ко лжи, къ роскоши и наслажденіямъ — убѣждаемся, что въ вѣкахъ священны только вымыслы и роскошь, созданные для наслажденій? И, обратно, когда по отношенію къ себѣ, къ своей жизни мы становимся на точку зрѣнія эстетическую, когда мы хотимъ измѣрить красотой тайны нашего духа, мы замыкаемъ себя въ другой кругъ.

Красота не даетъ отвѣтовъ на запросы разума, совѣсти, воли. Красота — для созерцаній. Но вершина созерцаній — смерть. Нельзя отнять у жизни моральной основы, настанетъ безразличіе, и безуміе будетъ стучаться въ двери. Большинство говорившихъ объ искусствѣ не понимало этой дилеммы. Въ результатѣ, смѣшивалось два начала, по существу несоизмѣримыя: начало жизни, моральное, волевое начало и начало творчества, начало эстетической мистики.

Схематически это непониманіе можно выразить тремя формулами.

„Искусство должно имѣть конечную этическую цѣль; иначе оно становится зломъ“ — утверждаютъ во имя религіи и нравственности моралисты всѣхъ временъ. Аскеты, стоики или мистики, христіане или язычники безразлично — отвергаютъ искусство, какъ цѣль, во имя идеала личной святости. „Искусство должно быть полезно.“ Такъ говорятъ утилитаристы, отвергающіе искусство, какъ цѣль, во имя социальнаго счастья. „Прекрасное побуждаетъ нравственное. Внѣ прекраснаго нѣтъ цѣлей. Все дозволено.“ Такъ утверждаютъ эстеты, готовые защищать безнравственность во имя красоты.

Эти три формулы одинаково невѣрны. Искусство для нравственной цѣли такъ же, какъ отрицаніе искусства во имя морали,—глубокое недоразумѣніе. Искусство внѣнравственно. Прекрасное и должное могутъ случайно соприкоснуться въ нашемъ сердцѣ; борьба ихъ велѣній часто неизбежна. Но когда мы выходимъ за предѣлы личныхъ переживаній и ихъ оцѣнки — они становятся чуждыми другъ другу, какъ величины разныхъ измѣреній.

Развѣнчиваніе искусства во имя пользы и социальнаго блага — другое недоразумѣніе, тѣмъ болѣе странное, что оно предполагаетъ рѣшеннымъ вопросъ, котораго рѣшить нельзя, вопросъ о конечной цѣли человѣчества.

Стремленіе къ пользѣ и къ счастью — сознательная цѣль людей. Несомнѣнно. Но изъ этого еще не слѣдуетъ, что жизнь человѣчества, непостижимая въ своей основѣ, не имѣетъ иной, непостижимой цѣли. Утилитаристы правы въ тѣсныхъ границахъ непосредственно-доступныхъ намъ явленій, борьбы за существованіе. Они правы: красота не средство къ достиженію социальнаго блага. Но кто сказалъ, что назначеніе человѣка есть социальное благо? Мы боремся за наше счастье, потому что мы люди. Но кто смѣетъ сказать, что мы только люди?

Между моралистами въ истинномъ значеніи слова и утилитаристами больше точекъ соприкосновенія, чѣмъ кажется. Разница лишь въ томъ, что правду, находящуюся внѣ человѣческой личности, одни измѣряютъ нравственной совѣстью человѣка, другіе — идеаломъ мнимаго назначенія людей. Между тѣмъ, что такъ осторожно выразилъ Тургеневъ, вспомнившій слова апостола въ концѣ рѣчи о Гамлетѣ и Донъ-Кихотѣ, между тѣмъ, на чемъ съ упорствомъ генія настаиваетъ Левъ Толстой, и тѣмъ, что проповѣдывали эллины Платонъ, изгнавшій искусство изъ идеальной республики, римскіе стоики, католическіе аскеты, Прудонъ, Марксъ, Спенсеръ, Писаревъ — по существу небольшія разницы. Всѣ они, развѣнчивая искусство, хотя и во имя разныхъ идеаловъ, становятся союзниками; въ ихъ постиженіи красота должна служить нравственнымъ или социальнымъ цѣлямъ. Когда сравниваешь рѣчи Толстого и Писарева о красотѣ, кажется, что они заимствовали другъ у друга презрительныя выраженія. Пути, идущіе изъ двухъ

протиположнихъ точекъ, сходяться. Етика христіанства встрѣчается ‚съ этикой шестидесятихъ годовъ‘. Странное единадушіе между Толстымъ, подтверждающимъ каждое слово евангельскими текстами, и Писаревымъ, ссылающимся на ‚безбожную‘ науку, на Дарвина и Молешота! Они утверждаютъ почти одно и то же, говоря объ искусствѣ, потому что измѣряютъ искусство тою же мѣрой: полезностью. Одинъ — благомъ личной святости, другой — святостью общественнаго блага. И обоимъ съ одинаковой неопровержимостью возражаетъ исторія. Религія, которой вдохновляется Толстой, прославила прежде всего искусство, обезсмертила себя въ искусствѣ, осталась нетлѣнной и пребудетъ въ вѣкахъ красотой одухотворенныхъ ею символовъ. Эволюція обществъ, на которую опирается Писаревъ, показываетъ, что люди, безсознательно и невольно, живутъ только для красоты, только ею увѣковѣчиваютъ свое бытіе, подчиняясь року высшему, чѣмъ сознаніе и воля.

Итакъ — передъ нами дилемма...

Красота — внѣнравственна, неполезна: значить она не цѣль жизни. Но стремленіе къ нравственному и соціальному благу превращается въ красоту: значить красота — цѣль.

Кажущаяся непримиримость! Ибо необходимо признать не одну, а двѣ цѣли, двѣ правды, несоизмѣримыя, свободныя. Одна цѣль, различно понимаемая всѣми, — цѣль непосредственная, активная, временная; выражаясь кантовскимъ языкомъ — цѣль феноменальная: нравственность, польза, счастье, святость. Другая цѣль — несознательная, непостижимая, внѣ временная, нуменальная: красота, творчество, искусство. Съ одной стороны, мы существуемъ и дѣйствуемъ какъ люди, какъ утвержденіе моральныхъ, религіозныхъ и общественныхъ законовъ, мѣняющихся во времени. Съ другой стороны, мы — призракъ вѣчности, смутно угадывающіе себя, какъ бытіе эстетическое, и закрѣпляющіе это бытіе въ прекрасныхъ образахъ. Ошибка моралистовъ и утилитаристовъ — въ томъ, что они вторую цѣль, непостижимую, не хотятъ признать изъ-за первой, постигаемой цѣли. Ошибка эстетовъ — обратная. Они отвергаютъ первую, различно познаваемую, цѣль во имя второй — непостижимой, что равносильно замѣчанію насмѣшника, спросившаго Берклея: ‚если пространство воображаемо, то, значить, я могу броситься въ пропасть?‘

Мои слова — не теорія ‚эстетства‘. Не правъ былъ Левъ X, сказавшій Бенвенуто Челлини, когда онъ, уличенный въ убійствѣ, вмѣсто оправданія протянулъ папѣ золотое распятіе волшебнотонкой работы: ‚*Il Christo vale un uomo*‘. Нельзя оправдывать преступленія красотой, такъ же какъ нельзя оправдывать искусства моралью. Синтеза художественнаго творчества и нравственности нѣтъ.

Моральной должна быть оцѣнка поступковъ. Жизнь должна быть тѣмъ, чѣмъ суждено: страданіемъ, усиленіемъ, жаждой счастья, пользы, святости. Пусть люди стремятся къ жизненнымъ цѣлямъ, къ соціальнымъ идеаламъ, къ осуществленію на землѣ, любви и добра‘. Чѣмъ стихійнѣе, тѣмъ лучше. Не опроверженіе красоты опасно для искусства, опасно оскудѣніе жизни. Когда бѣднѣетъ содержаніе жизни и ея временныхъ цѣлей, бѣднѣютъ и силы творчества. Красота и жизнь — два лика единой тайны... Но опроверженіе искусства во имя цѣлей жизни — ребячество, святое ребячество у тѣхъ, которые говорятъ отъ любви и невѣдѣнія, ребячество жалкое у говорящихъ отъ недомыслия или отъ притворной праведности.

Жизнь народов образуется изъ безчисленнаго ряда слагаемыхъ. Искусство, какъ дѣятельность, искусство посколькѣ оно то же слагаемое — какимъ малымъ кажется его значеніе, если его сопоставить съ дѣятельностью великихъ завоевателей и провозвѣстниковъ религій, или съ трудами умовъ, открытія которыхъ измѣняли течете культуры!

И теперь среди многообразныхъ переживаній современности, среди тысячи борющихся теченій, экономическихъ, соціальныхъ, политическихъ, религіозныхъ, искусству отмежевано самое скромное мѣсто. Но въ итогѣ — одно искусство не умираетъ. Но когда нибудь и отъ нашей эпохи, отъ всего, что мы считаемъ правдой, отъ всего для насъ святого и великаго останется только творимая нами красота. Самая глубокая мысль, самая безкорыстная побѣда духа — хрупкіе сосуды красоты. Мы существуемъ для того, чтобы другіе о насъ мечтали. Народы волнуются и бѣдствуютъ, чтобы ихъ жизнь претворилась въ сказку поэта... Вѣчный смыслъ и нашей современной, 'революціи' — въ какомъ то еще несозданномъ произведеніи художника...

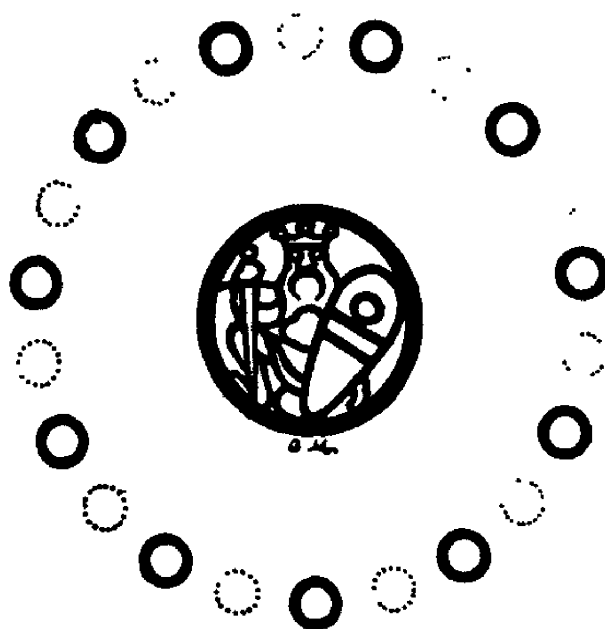
Искусство не дѣятельная сила жизни, но отраженіе ея превращеній въ вѣкахъ.

Любая точка въ исторіи человѣчества (какъ любое мгновеніе во всякомъ процессѣ) можетъ быть созерцаемо двояко: какъ моментъ развитія, возникновенія, какъ динамическое состояніе во времени, и вмѣстѣ съ тѣмъ — какъ моментъ статики, какъ моментъ завершенія всею предъидущаго, какъ цѣль и конецъ. Въ первомъ случаѣ, передъ нами неуловимый процессъ, непрерывный переходъ однихъ формъ въ другія, неустанное бѣгство настоящаго, вѣчно-движущееся начало. Во второмъ случаѣ — рядъ самоцѣльныхъ мгновеній, неподвижность, вершина, окаменѣлость, итогъ. Искусство — магическое зеркало, отражающее эту статику бытія, эту самоцѣльность образовъ и формъ.

Жизнь — непрерывная борьба прошлаго съ будущимъ. Ея красота — вѣчное настоящее.

И потому существуетъ только одно безсмертіе, безсмертіе прекраснаго...

АРНОЛДЪ БЕКЛИНЪ

.